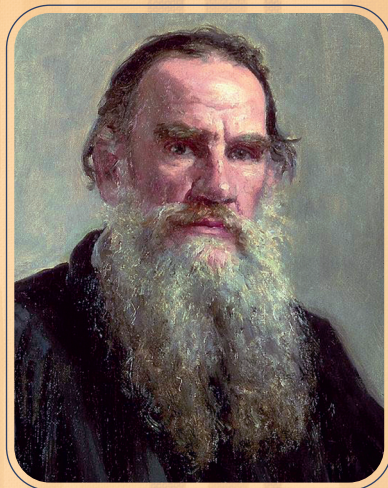

АУДИОБИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

Л.Н. Толстой

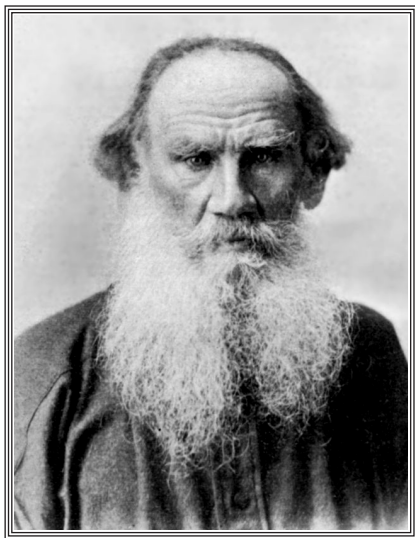
Два гусара • Холстомер

Смерть Ивана Ильича

Алеша Горшок • После бала

Воскресение (фрагменты)

ТОМ
II

Алекс. Максимович.

«...Помните, что все на свете пройдет: и царства, и троны пройдут; и миллионные капиталы пройдут; и кости, не только наши, но и праправнуков наших, давно сгниют в земле, но если есть в наших произведениях хоть крупца художественная, она одна останется вечно жить!..»

Лев Толстой

«Во-первых, я ни одного человека не люблю так, как его; я человек неверующий, но из всех вер считаю наиболее близкой и подходящей для себя именно его веру. Во-вторых, когда в литературе есть Толстой, то легко и приятно быть литератором; даже сознавать, что ничего не сделал и не сделаешь, не так страшно, так как Толстой делает за всех. Его деятельность служит оправданием тех упований и чаяний, какие на литературу возлагаются. В-третьих, Толстой стоит крепко, авторитет у него громадный, и, пока он жив, дурные вкусы в литературе, всякое пошлячество, наглое и слезливое, всякие шершавые, озлобленные самолюбия будут далеко и глубоко в тени. Только один его нравственный авторитет способен держать на известной высоте так называемые литературные настроения и течения».

Антон Чехов

Лев Николаевич Толстой (28.08.1828–07.11.1910)

Главные герои повести *«Два гусара»* (1856) – Турбины, отец и сын, – настолько не похожи друг на друга, насколько отличаются эпохи, в которых они живут. С интервалом примерно в 20 лет они останавливаются в одном и том же провинциальном городке, но ведут себя в нем совершенно по-разному...

И. Тургенев писал: *«Я не имею в виду распространяться об особенных достоинствах „Двух гусар“; читатель сам почувствует их без моего предуведомления. Достаточно сказать, что этот рассказ дает довольно точное понятие о манере графа Льва Толстого. Он также принадлежит к великому реалистскому потоку, который в настоящее время господствует повсюду в литературе и в искусствах, но он имеет оттенок и тон, собственно ему принадлежащие...»*

Повесть Л.Н. Толстого *«Холстомер»* (1863–1886) – рассказ мерина о своей жизни. В 1906 году Толстой писал: *«Удивление и ужас перед зверством людей я испытал 25 лет тому назад, когда во мне произошел тот душевный переворот, который открыл мне смысл и назначение нашей истинной жизни и всю преступность, жестокость, мерзость той жизни, которую мы ведем, люди богатых классов, строя наше глупое материальное внешнее благополучие на страданиях, забитости, унижении наших братьев»*. Отсюда та резкость, присущая поздним произведениям Толстого, с которой противопоставляются в *«Холстомере»* жизнь и смерть пегого мерина жизни и смерти его хозяина – блестящего гусарского офицера Серпуховского.

Серпуховский был *«красив, счастлив, богат и потому никого не любил»*, Холстомер был *«трижды несчастлив»* и трогательно предан своему хозяину. И так как жизнь Серпуховского была праздная, а

жизнь Холстомера – трудовая, то и старость Серпуховского была просто *«грязная»*, а старость лошади – *«гадкая и величественная вместе»*. Умер Холстомер – и его мясом волчица накормила голодных волчат, а мужик унес мослаки и череп, чтобы *«пустить их в дело»*. Умер Серпуховский – и *«ни кожа, ни мясо, ни кости его никуда негодились»*. *«Две жизни и две смерти»*, по определению Ивана Бунина, отразились в повести.

В повести *«Смерть Ивана Ильича»* (1882–1886) жизнь судейского чиновника Ивана Ильича Головина, *«приличная и приятная»*, описана не столь подробно, как мучительные страдания, физические и нравственные, во время его болезни и смерти. (В повести отразилась жизненная история Ивана Ильича Мечникова, прокурора Тульского окружного суда, умершего в июне 1881 года от тяжелого заболевания. Толстой почувствовал в Мечникове, когда тот был в Ясной Поляне, незаурядного человека.)

Единственным утешением для Ивана Ильича в это мучительное время оказывается молодой буфетный мужик Герасим. Он ухаживает за барином *«легко, охотно, просто и с добротой, которая умиляла Ивана Ильича. Здоровье, сила, бодрость жизни во всех других людях оскорбляла Ивана Ильича; только сила и бодрость жизни Герасима не огорчала, а успокаивала Ивана Ильича»*.

Жена Ивана Ильича, Прасковья Федоровна, была привлекательной, умной, блестящей девушкой того круга, в котором вращался Иван Ильич. Однако *«очень скоро, не далее как через год после женитьбы, Иван Ильич понял, что супружеская жизнь, представляя некоторые удобства в жизни, в сущности есть очень сложное и тяжелое дело, по отношению которого, для того чтобы исполнять свой долг, то есть вести приличную, одобряемую обществом жизнь, нужно выработать»*

определенное отношение, как и к службе». Поднимаясь по служебной лестнице, Иван Ильич окончательно превращается в чиновника-бюрократа с прочно сложившейся философией. В окончательной редакции повести подчеркиваются не столько индивидуальные особенности личности человека, сколько типические черты людей определенной среды и занятий. Например, описывая квартиру, которую устраивал с такой тщательностью Иван Ильич, Л. Толстой писал: «В сущности же было то самое, что бывает у всех не совсем богатых людей, но таких, которые хотят быть похожими на богатых, и потому только похожи друг на друга».

Перед самой кончиной Иван Ильич осознает царящую вокруг него и в нем самом ложь: *«Все то, чем ты жил и живешь, – есть ложь, обман, скрывающий от тебя жизнь и смерть»*. Вот вывод, к которому пришел Иван Ильич в самом конце своей жизни. Больной, истерзанный страданиями Иван Ильич был в состоянии только многократным повторением слова «ложь» передать свое отчаянье. Для выражения глубоких человеческих чувств у Ивана Ильича, о котором его начальник говорил: *«...первое, лучшее перо в министерстве»*, не находилось слов.

П.И. Чайковский писал: *«Прочел “Смерть Ивана Ильича”. Более чем когда-либо я убежден, что величайший из всех когда-либо и где-либо бывших писателей-художников – есть Л. Н. Толстой. Его одного достаточно, чтобы русский человек не склонял стыдливо голову, когда перед ним высчитывают все великое, что дала человечеству Европа...»*

И.Н. Крамской, автор известного портрета Льва Толстого (1873), утверждал: *«Говорить о “Смерти Ивана Ильича”, а тем паче восхищаться, будет по меньшей мере неуместно. Это нечто такое, что перестает уже быть искусством, а является просто творчеством.*

Рассказ этот прямо библейский, и я чувствую глубокое волнение при мысли, что такое произведение снова появилось в русской литературе... Удивительно в этом рассказе отсутствие полное украшений, без чего, кажется, нет ни одного произведения человеческого».

В.В. Стасов писал Толстому: «Ни у одного народа, нигде на свете нет такого гениального создания. Все мало, все мелко, все слабо и бледно в сравнении с этими 70-ю страницами. И я себе сказал: “Вот, наконец, настоящее искусство, правда и жизнь настоящая”».

Рассказ **«После бала»** (1903) описывает события одной ночи, которые герой – Иван Васильевич – вспоминает через много лет. На балу Иван Васильевич, влюбленный в красавицу Вареньку Б., знакомится с ее отцом – очень красивым, статным, высоким полковником с румяным лицом и роскошными усами. Ласковая, неторопливая речь полковника подчеркивала его аристократическую сущность и вызывала восхищение. Варенькин отец был настолько мил и любезен, что располагал к себе всех, в том числе и главного героя рассказа. Герой рассказа влюбляется и восхищается не только Варенькой, но и ее отцом.

После бала Иван Васильевич возвращается домой, но не может уснуть и отправляется бродить по городу в направлении дома Вареньки. Издалека он слышит звуки флейты и барабана, которые без конца повторяют одну и ту же неприятную визгливую мелодию. На поле перед домом Б. он видит, как за побег прогоняют через строй солдат какого-то татарина. Командует экзекуцией отец Вареньки. Татарин умоляет солдат «помилосердствовать», но полковник строго следит, чтобы солдаты не давали ему ни малейшей поблажки. Один из солдат «мажет». Б. бьет его по лицу. Иван Васильевич видит красную, пеструю, мокрую от крови спину татарина и ужасается. Заметив Ивана Васильевича, Б. делает вид, что незнаком с ним, и отворачивается.

Иван Васильевич возвращается домой, *«на сердце была почти физическая, доходившая до тошноты, тоска»*. Как понять того, кто искренне добр в одной ситуации и искренне жесток в другой? *«Очевидно, он знает что-то такое, чего я не знаю... Если бы я знал то, что он знает, я бы понимал и то, что видел, и это не мучило бы меня»*. Но оправдания такой жестокости Иван Васильевич не находит. Потрясение, пережитое Иваном Васильевичем, делает любовь его к Вареньке невозможной. Он уже не может служить ни в военной, ни в гражданской службе. По словам Ивана Васильевича, формируют человека не общественные условия, а случай: *«Вся жизнь переменялась от одной ночи или, скорее, утра»*.

«Алеша Горшок» (1905). Публикация этого небольшого рассказа в 1911 году потрясла А. Блока: *«Гениальнейшее, что читал – Толстой “Алеша Горшок”»*. Неграмотный, немногословный, не знавший даже молитв Алеша (умирая, он молился *«только руками и сердцем»*) кроток и безответен. В девятнадцать лет отец отдал его работать дворником у купца. Там Алеша выполнял любую поручаемую ему работу по дому. Полтора года спустя он почувствовал, что кухарка Устинья *«жалеет»* его. Это потрясло Алешу: *«...случилось с ним самое необыкновенное в его жизни событие. Событие это состояло в том, что он, к удивлению своему, узнал, что, кроме тех отношений между людьми, которые происходят от нужды друг в друге, есть еще отношения совсем особенные: не то чтобы нужно было человеку вычистить сапоги, или снести покупку, или запрячь лошадь, а то, что человек так, ни зачем нужен другому человеку, нужно ему послужить, его приласкать, и что он, Алеша, тот самый человек»*. Однако отец запрещает Алеше жениться и тот безропотно соглашается. Когда Алешу спросили, бросил ли он свои *«глупости»*, он ответил: *«видно, что бросил»*,

«засмеялся и тут же заплакал». Даже смерть Алеша встречает безропотно и спокойно: *«...в сердце у него было то, что как здесь хорошо, коли слушаешь и не обижаешь, так и там хорошо будет».*

«Воскресение» (1889–1899) – третий, последний роман Льва Толстого. В основе сюжета романа – случай из судебной практики, рассказанный писателю известным русским общественным и судебным деятелем А.Ф. Кони. Один из присяжных заседателей во время суда узнал в обвиняемой за кражу проститутке женщину, которую он когда-то соблазнил. Соблазнитель, вероятно когда-то любивший ее, много хлопотал, чтобы облегчить приговор и решил жениться на этой женщине. Однако не успел – она умерла в тюрьме.

На протяжении десяти лет работы над повестью ее сюжет значительно менялся, Толстой писал: *«Писание мое ужасно усложнилось и надоело мне – ничтожно, пошло».* В письме писателя к сыну Льву в октябре 1895 г. – новое признание: *«Я много писал свою повесть, но последнее время она опротивела мне. Fiction – неприятно. Все выдумка, неправда. А столько, столько наболело в душе невысказанной правды».* Это неоднократно высказанное Толстым недовольство своей работой весьма показательно; он чувствовал: что-то требовалось изменить в романе, сделать по-новому. Но что изменить и как именно? В ноябре 1895 г. Толстой записал в дневнике: *«Сейчас ходил гулять и ясно понял, отчего у меня не идет “Воскресение”. Ложно начало. Я понял это, обдумывая рассказ о детях – “Кто прав?”; я понял, что надо начинать с жизни крестьян, что они предмет, они положительное, а то – тень, то – отрицательное. И то же понял и о “Воскресении”».*

Первая публикация нового романа Толстого завершалась в 52-м номере журнала «Нива» за 1899 г. «Воскресение» вызвало исключительный читательский интерес и острую полемику в печати. В одном

из писем А.П. Чехов подчеркивал: *«Чтобы кончить о Толстом, скажу еще о “Воскресении”, которое я читал не урывками, не по частям, а прочел все сразу, залпом. Это замечательное художественное произведение»*. Любопытно, что свой разговор о романе Чехов начинает со сцен, показавшихся ему неинтересными. *«Самое неинтересное, – замечает он, – это все, что говорится об отношениях Нехлюдова к Катюше»*. А затем: *«...и самое интересное – князя, генералы, тетушки, мужики, арестанты, смотрители. Сцену у генерала, коменданта Петропавловской крепости, спирита, я читал с замиранием духа – так хорошо! А т-те Корчагина в кресле, а мужик, муж Федосьи! Этот мужик называет свою бабу “ухватистой”. Вот именно у Толстого перо ухватистое»*.

После окончания работы над последней, шестой редакцией романа, Толстой сказал: *«Это – лучшее, по-моему, из всего, что я когда-либо написал»*.

MEL CD 40 02401

